

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЭТНОНИМИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А. И. Грищенко

Аннотация. В статье затронута проблема распределения современных русских экспрессивных (прозвищных) этнонимов по различным социолектам, региолектам и идеолектам. Особое внимание уделяется этнонимам, маркированным идеологически (в языке пропаганды и в националистическом дискурсе).

Ключевые слова: экспрессивные этнонимы (этнофолизмы), сленг, жаргоны, региолекты, идеолекты, идеологема, эвфемизмы, межкультурная коммуникация, постсоветское общество.

Summary. The article examines how contemporary Russian ethnic slurs are distributed in different social dialects, regional dialects and ideolects. Special attention is paid to the ideologically marked ethnonyms (in propagandistic language and jingoistic discourse).

Keywords: ethnic slurs (ethnophaulisms), cant, slang, localisms, ideolect, ideologeme, euphemism, cross-cultural communication, post-Soviet society.

316

Согласно основному постулату социолингвистики, социальная структура общества определяет и социальную дифференциацию языка, поскольку «задача социолингвиста – вскрыть системную корреляцию языковой структуры и структуры социальной и, возможно, даже обнаружить каузальные связи в том или ином направлении» [1, с. 34]. Однако для современного этапа разработки этой проблемы характерен «отказ от широко распространенного в прошлом прямолинейного взгляда на дифференциацию языка в связи с социальным расслоением общества» [2, с. 92], так как «социальное достаточно сложно трансформировано в языке, вследствие чего социальной структуре

языка и структуре речевого поведения людей в обществе присущи специфические черты, которые хотя и обусловлены социальной природой языка, но не находят себе прямых аналогий в структуре общества» [там же, с. 94]. К таким промежуточным, трудно поддающимся классификации явлениям языка относится, например, так называемый интержаргон, или общий жаргон (общий сленг), – разновидность языка, практически полностью освобожденная от культурных скреп и литературных норм и сама высвобождающая в вербальном пространстве страхи, комплексы, агрессию, сексуальные и прочие эмоциональные переживания представителей самых разнообразных социальных групп

– от малообразованных жителей города до высокообразованных работников умственного труда, хотя применительно к последним о жаргонизации можно говорить с некоторой долей условности. К числу особых маркеров современной жаргонизированной речи мы относим экспрессивные этнонимы – слова со значением лица (или совокупности лиц), во-первых, имеющие в своем значении сему ‘народ (этнос)’, причем в достаточно широком, «наивном», а не научном понимании природы «этнуса», а во-вторых, обладающие экспрессивностью, причем не обязательно пейоративной.

Наивное представление об «этничности», о «чужих» – обязательная часть жаргонной картины мира, в том числе и в диахроническом аспекте. Так, этнонимия традиционных русских арго (офенского, ремесленного, торгового, нищенского и т.д.) была в общих чертах описана В. Д. Бондалетовым [3], который приводит 72 обозначения для русских, украинцев, поляков, немцев, цыган, татар, чувашей, мордвы, эстонцев и евреев. В отличие от прошлых эпох (XIX – первой половина XX вв.), для современной языковой ситуации в России характерна размытость границ между различными профессиональными арго и групповыми жаргонами, лексика которых в последние несколько десятилетий утрачивает социальную дифференцированность, так что многие слова, в том числе экспрессивные этнонимы, свободно перетекают из одних жаргонов в другие. Тем не менее ряд экспрессивных этнонимов сохраняет свою связь с исходными жаргонами (и шире – дискурсами), но только такими, которые присущи относительно замкнутым языковым сообществам:

классический пример (хотя и открытый если не для заимствований, то как их источник применительно к другим жаргонам) – жаргон уголовный, тюремно-лагерный. Некоторые экспрессивные этнонимы продолжают быть маркированными как слова специфически уголовные, не попавшие еще в интержаргон, например, по данным сводного «Большого словаря русского жаргона» [4]: *бриц*, *лац*, *мóнька*, *сиóн*, *тартáр* (*тар-тáр*), *удáвленник* ‘еврей’, *лимóнник* ‘грузин; абхазец’, *зеля́тор* ‘татарин’, *фаза́н*, *ля́мло* (*ля́млю*), *фы́ргáн*, *чуми́за* ‘китаец’, *широкопóлая* ‘татарка’, *мо́ра* ‘цыган’, *пе́рсик*, *Баклажа́н Помидóрович* ‘кавказец’, *ни́нко*, *са́сос* ‘немец’, *братáн* ‘бурят’.

Относительную замкнутость сохраняет также современный школьный (и студенческий) жаргон, в котором Х. Вальтер и В. М. Мокиенко зафиксировали целый ряд слов с общим значением ‘учитель (учительница) нерусской национальности’, в основном отантропонимического происхождения: *карема́* (*кафима́*) ‘учительница нерусской национальности’, *мустафа́* ‘учитель физкультуры кавказской национальности’, *сай́д* ‘учитель физкультуры кавказской национальности’, *фатима́* ‘учительница нерусской национальности’, *хачапúри* ‘учительница нерусской национальности’ [5].

В жаргонах тех российских вузов, где учится большое количество иностранцев, зафиксированные близкие экспрессивным этнонимам слова *брат*, *друг*, *фо́рин*, *фрэ́нд* (*френд*) ‘иностраный студент (обычно из стран Азии, Африки и Латинской Америки)’: «Лексика, специфическая для Университета Дружбы Народов: братья, друзья, форины, френды – иностранные студенты» [6, с. 79]. Функционирование

их возможно в речи не только студентов, но и преподавателей, по крайней мере нами зафиксирован схожий экспрессивный этноним *брáтья по рáзуму* ‘узбеки’ (студенты узбекского отделения филологического факультета МГПИ им. В. И. Ленина) в речи одного из профессоров (запись 2001 г.).

Еще два экспрессивных этнонима связываются В. С. Елистратовым с речью вузовских преподавателей (хотя, возможно, не выходят за пределы их идиолектов, поскольку нигде больше пока не зафиксированы): *петлю́ровец* – «Азиат, чаще о корейцах, японцах, вьетнамцах. *На тебя ~вцы телегу написали.* Из речи преподавателей МГУ» [7, с. 288]; *сaddáмка* – «Араб (чаще об иракцах или жителях Аравийского полуострова). *Четыре ~и у меня в группе* (из речи преподавателя)»¹ [там же, с. 360].

С социально-территориальной дифференциацией современного русского общества связано существование относительно нового типа языкового состояния – региолекта: «...на смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [8, с. 22]. Большое количество современных экспрессивных этнонимов представлено именно в лексических системах региолектов, особенно в бывших советских республиках и национальных республиках Российской Федерации. Использование региональных экспрессивных этнонимов в речи – один из наиболее характерных маркеров региолекта, поскольку обо-

значение представителей различных народов, компактно проживающих в строго очерченных регионах (или связанных с ними территориальным соседством), привязывает к последним носителей данных лексем. Так, русскоязычного жителя Латвии или Литвы можно узнать по употреблению им слова *ла́бус, ла́бас* ‘латыш; литовец’, Эстонии – *куру́т* ‘эстонец’, Петербурга – *турмала́й* ‘финн’, Молдовы – *царáнин, муть* ‘молдаванин’, южной Украины – *мала́нец* ‘еврей’, *пшек* – ‘поляк’, Карачаево-Черкессии – *карача́й* ‘карачаевец’ (мн. *карача́й*), Адыгеи – *чили́ец* ‘адыгеец’, Северной Осетии – *кударье* ‘южные осетины’ (собирает.), Азербайджана – *гарда́ш* ‘азербайджанец’, *ера́з* ‘ереванский азербайджанец – беженец из Армении’, Астраханской области – *кора́к* ‘ногаец; казах’, Казахстана – *калби́т, мамбе́т, аулба́й* ‘казак’, Киргизии – *мы́рк* ‘киргиз’, Узбекистана – *хары́п* ‘узбек’, Башкирии – *аллая́рин* ‘башкир’, Республики Марий-Эл – *мога́ец, паче́мши* ‘мариец’, Республики Коми – *ко́мик, комя́к* ‘коми-зырянин’, Якутии – *дефиба́с, ди́рик, улусни́к* ‘якут’. Некоторые экспрессивные этнонимы-регионализмы (напр., *еразы, чилийцуы, аллаяры*) возникли относительно недавно – в конце 1980-х – 1990-х гг., на подъеме националистических настроений среди коренного населения имперских окраин, как ответная реакция утратившего былые права русского населения.

Особые обозначения представителей коренных народов есть и у русских эмигрантов, живущих в странах так называемого дальнего зарубежья, напр.: *киво́с, киву́с* ‘представитель одного из

1 Это второе значение; первое – «Саддам Хусейн (бывший лидер Ирака)». В зоне грамматических помет (общей для обоих значений) указан женский род, который для второго значения еще мог быть принят, хотя и входит в противоречие с толкованием («араб», а не «арабка»), но быть словом женского рода сленговое прозвище Садама Хусейна не может быть никак.

коренных народов Новой Зеландии (маори и др.)', *норге* 'норвежец'.

Кроме собственно социальной и региональной дифференциации, следует отметить также значительную идеологическую поляризацию российского общества, особенно в 1990-е гг. (в настоящее время она по крайней мере выглядит менее обостренной), и ряд экспрессивных этнонимов маркирован именно идеологически, обозначая представителей не просто иных народов, а народов, наделяемых мифологическим «образом врага».

Кроме центральных для различных антисемитских толков откровенно пейоративных слов типа *жид* (использующегося, однако, не только в идеологических контекстах, но и в быту), *жидомасон* или *жидодепутат* [9, с. 173], особую роль в конце XX в. играют экспрессивные этнонимы, создаваемые изначально как эвфемизмы, напр., *хазары* 'еврей'. К сожалению, в жаргонные словари попало иное, сомнительное, значение этого слова, ср.: *хазары* – «т.н. “лица южной национальности”. Все базары купили ~ы» [7, с. 441]. Данной словарной дефиниции доверились В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина, включившие в свой словарь в несколько измененном виде приведенную статью: сохранена иллюстрация, но в толковании дается «кавказец, южанин» (остальные значения – помеченные как уголовные – вряд ли связаны с исходным этнонимом: «заключенный, занимающий главенствующее положение в камере», «палач», «узда; намордник») [4, с. 638]. Не отрицая у этого слова возможного периферийного значения 'представитель какого-либо коренного народа Кавказа', следует подчеркнуть его очевидную связь с так называемым «хазарским мифом» – ми-

фом о древней, восходящей якобы еще к эпохе Хазарского каганата (VII–X вв.), претензии евреев («иудео-хазар») на господство над русским народом.

Возрождение «хазарского мифа» произошло практически одновременно и в России, и на Западе, и связано оно было с созданием в 1948 г. государства Израиль [10]. Особенности развития и бытования этого мифа в России 1950–2000-х гг. довольно подробно рассмотрены В. А. Шнирельманом, который пишет, что «...с 1970-х гг. эвфемизм “хазары” прочно вошел в лексикон русских националистов для обозначения евреев и их якобы устремленности к тотальной власти над миром» [11, с. 273], – и анализирует образ «Хазарии» (= «еврейского ига») в различных русских националистических дискурсах 1970-х – 2000-х гг. Ср. пример из прессы последних лет: «Сталин уничтожал новых “хазар” [вероятно, о «деле врачей-отравителей» и кампании «борьбы с космополитизмом» – А. Г.]. Но они потом подняли вой на весь мир, дескать, миллионы людей уничтожил в лагерях. Это – большая ложь! <...> Помните, картавые хазары! Мы своих детей будем этому учить!» (Дуэль. № 13 (562). 25 марта 2008 г.).

К появлению этнонимов-эвфемизмов, получивших вторичную экспрессивность, привело также бюрократическое стремление к семантической и эмоциональной неопределенности, к идеологической немаркированности: причиной тому стало общеизвестное противоречие между «нейтральностью», «политкорректностью» данных этнонимов и реальным отношением представителей власти к различным группам «инородцев». По мнению Э. И. Хан-Пиры, первым из таких этнонимов-эвфемизмов стало клише

лица крымско-татарской национальности (возникшее во время депортации крымских татар в 1944 г.): «Сказать *немец* (*еврей, армянин* и т.д.) – несолидно, неудобно, куда солиднее, деликатнее – *лицо немецкой (еврейской, армянской* и т.д.) национальности. А тут уж рукой подать до подаренных нам, удивительных и загадочных потомков этой конструкции – *лица кавказской национальности, лица южной национальности*. Этнографии неизвестна ни кавказская, ни южная национальности» [12, с. 17]. О бытовании выражения *лицо кавказской национальности* в Советской Армии 1970-х – 1980-х гг. (наряду с другими экспрессивными этнонимами), предлагая свою собственную версию его происхождения, подробно пишет также А. Г. Левинсон [11, с. 291-295].

Из выражений, созданных по модели «лицо N-ской национальности», самые частотные зафиксированы в словарных материалах Г. Ч. Гусейнова [9, с. 275-278]: *лицо еврейской национальности, лица южной национальности, лицо славянской национальности (лица славянских национальностей), лица некоренных национальностей, лица географической национальности*, наконец, *лицо кавказской национальности* – «распространенное с середины 80-х гг. советское официальное обозначение усатых или небритых брнетов, предположительно уроженцев Кавказа; уничжительный аналог обозначения “восточный человек”» [там же, с. 275; подчеркивание наше – А. Г.]. Определенная исследователем уничжительность термина *лицо кавказской национальности* входит в противоречие с его изначальной эвфемистичностью, что вполне закономерно для многих официозных наименований: та же участь ждала появившиеся в 1940-х гг. в языке пропаганды этнонимы-эвфе-

мизмы *сионисты* («термин, используемый советской пропагандой вместо черносотенного “жид” (особенно с 1947 г.)» [13, с. 358] и *безродные космополиты* ‘еврей’, *космополит* – «в советском политическом языке после второй мировой войны – еврей» [9, с. 635, 738].

От фразеологизма *лицо кавказской национальности* образовалась аббревиатурная лексема ЛКН, предположительно читающаяся как *элканавт* [7, с. 491], ср.: «Русский язык – богатый, синонимов море. А можно еще и заняться словообразованием, может в историю попадете. Например, ЛКН (читается элканавт – от лица кавказкой национальности) – сразу не удалят» (сайт «Ответы@Mail.ru», пользователь Татьяна Карпачева, 2007); «...нет желания этим элканавтам (ЛКН) платить за услуги такси...» (15.06.2005, пользователь x100xxb3gus в форуме «Конференция iXBT.com»). Этноним ЛКН явно экспрессивен, поскольку часто употребляется как синоним в одном контексте с такими широко распространенными этническими кличками, как *азер, хачик, даг* и т.п.: «Украина: Азер не до конца зарезал другого ЛКН» (23.04.2009, заголовки новости на ультранационалистическом Интернет-портале «Правые новости»: <http://news.nswap.info/>).

К идеологически маркированным этнонимам следует также отнести слова так называемых конфессиолектов (или религиолектов), включенные в структуру основных религиозных представлений, напр., библейский гебраизм *гой* ‘не-еврей’ – в пока еще не исследованном иудейском конфессиолекте современного русского языка. Вероятно, подобную (хотя и противоположную) идеологическую нагрузку в современных неоязыческих субкультурах несут термины *русы, русичи* и даже

новообразование *рысищи* (а также некоторые другие этнонимы, придуманные авторами неоязыческих текстов, например, «Велесовой книги»).

Итак, среди наиболее активных процессов в области русской экспрессивной этнонимии нам видится ее региональная и идеологическая дифференциация – в отличие от дифференциации собственно социальной, постепенно утрачивающей свою значимость. Если на смену традиционным диалектам пришли региолекты и мы находим в русском лексиконе все больше этнонимов-регионализмов, то на смену традиционным социолектам, как считают некоторые исследователи, идут идеолекты – формы существования различных идеологических дискурсов, политических, философских, научных и религиозных, – и перед нами открывается пестрая «этническая» картина мира, отраженная в языке в виде идеологически маркированных этнонимов. «Если для описания смысла происходящих процессов воспользоваться терминологией постструктуралистов, то можно сказать, что в этих странах (и Беларусь, и Россия здесь не будут исключением) идеология и идеологический дискурс превращаются из социолекта в идеолект. Идеология в наших странах становится не только привычной по прошлому историческому опыту формой самознания классов и больших социальных групп людей, но и формой самоопределения и ориентации и государств, и отдельных индивидов» [14, с. 257–258]. Приведенное утверждение можно оспаривать, как и само существование идеолектов, однако данные по столь узкой и специфической лексической группе, как экспрессивные этнонимы, говорят о возрастающей актуальности для массового сознания носителей современ-

ного русского языка идеологических, а не просто бытовых коннотаций у слов, обозначающих представителей иных народов и их совокупности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брайт У.* Введение: Параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М., 1975. – С. 34–41.
2. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика: Учеб. для вузов. – М., 2001.
3. *Бондалетов В. Д.* Арготическая этнонимия // Этнография имен. – М. 1971. – С. 30–32.
4. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2001.
5. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Словарь современных русских прозвищ. Экспериментальный выпуск. – Грайфсвальд, 2004.
6. *Дубровина К. Н.* Студенческий жаргон // Филологические науки. – 1980. – № 1. – С. 78–81.
7. *Елистратов В. С.* Толковый словарь русского сленга. – М., 2007.
8. *Герд А. С.* Этнолингвистика: Курс лекций и хрест. 2-е изд. – СПб., 2005.
9. *Гусейнов Г. Ч. Д.С.П.*: Материалы к Русскому Словарю общественно-политического языка конца XX в. – М., 2003.
10. *Гриценко А. И.* «Хазарский миф» в древности и современности: взгляд историка и лингвиста // Молодежь и Церковь: проблемы и идеи: Сб. по материалам Первых Свято-Филаретовских чтений. – М., 2006. – С. 58–64.
11. *Образ врага:* Сб. научн. ст. – М., 2005.
12. *Хан-Пира Э. И.* Язык власти и власть языка // Вестник Академии наук СССР. – 1991. – № 4. – С. 12–24.
13. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. – Л., 1987.
14. *Чуешов В. И.* О риторических границах идеологического дискурса // Коммуникация и образование: Сб. – СПб., 2004. – С. 247–265.